

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

О ПРИНЦИПАХ ОТБОРА ЛЕКСИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС

В индоевропейском языкознании одним из наиболее сложных и запутанных является вопрос о древнейшем членении индоевропейской языковой общности, в частности — вопрос о месте, которое занимают балтийские языки в семье родственных языков. Ведущая роль в решении этих вопросов всегда принадлежала анализу изоглосс — фонетических, морфологических, лексических.

Попытки дать полный перечень лексических изоглосс определенного ареала, как это сделано, например, в известном „Балто-славянском словаре“ Р. Траутмана, обычно приводят к смешению явлений различного порядка. Выборочный же анализ лексических изоглосс, как правило, страдает субъективизмом и делает выводы автора малоубедительными. Вот почему вопрос о принципах и о методе отбора лексических изоглосс сохраняет свою актуальность до наших дней.

В последнее время данная проблема наиболее детально была разработана в известной книге В. Порцига¹. Не касаясь пока общих теоретических вопросов, обратимся к тем практическим результатам, которые позволяют В. Порцигу сделать свои выводы о древнейшем членении индоевропейской языковой общности. Здесь прежде всего обращает на себя внимание крайне незначительное количество соответствий, которые приводит автор, характеризуя связи между отдельными языковыми группами. Максимальное число таких соответствий в книге В. Порцига — 32 (германо-италийские изоглоссы). В остальных случаях количество приводимых изоглосс — еще меньше. Разумеется, столь незначительные числа, охватывающие, к тому же, различные аспекты языка (преимущественно, правда, лексику), не могут быть плодотворно использованы для серьезных статистических выводов.

Небольшое число изоглосс, привлекаемых В. Порцигом, объясняется, главным образом, тремя ограничениями отбора, которым следует автор: а) изоглоссы должны быть эксклюзивными, т. е. — не выходящими за рамки

¹ Русский перевод: В. Порциг, Членение индоевропейской языковой области, Москва, 1964 (дальнейшие ссылки даны по этому изданию).

сравниваемых языков; б) изоглоссы должны отражать совместные инновации, а не представлять собой наследие общеиндоевропейского состояния; в) изоглоссы должны быть надежными.

Посмотрим, насколько последовательно выполняет В. Порциг свои собственные требования к отбору изоглосс. В качестве примера остановимся на наиболее многочисленных германо-италийских соответствиях (стр. 160–176; нумерация изоглосс дается по книге В. Порцига).

4. Глаголы состояния на *-jo-* и *-ē-*, по мнению автора, наиболее тесно объединяют германские языки с италийскими. В качестве примера в книге приводится лат. *tacēre* и д.-в.-н. *dagēn* „молчать“. Но уже второй пример — лат. *habēre* и д.-в.-н. *habēn* „иметь“ — неприемлем по фонетическим соображениям (германское *h* соответствует латинскому *s*, а не *h*), несмотря на все попытки В. Порцига доказать обратное.

Кроме того, глаголы состояния на *-ē-* хорошо известны и в балто-славянском (лит. *sėdėti, garėti, (pa)vudėti* — ст. -слав. СЪДѢТИ, ГОРѢТИ, ВИДѢТИ и др.). Ст.-слав. ЛЕШТИ (< *legti) : ЛЕЖАТИ (< *legēti) ближе генетически к д.-в.-н. *ligg(i)u* „лежу“, а в плане общей семантики — к лит. *gul̃tis* „лечь“ : *gulėti* „лежать“, чем приводимое В. Порцигом (стр. 139–140) лат. *iacēre* „лежать“. Все перечисленные глаголы, действительно, — глаголы состояния на *-ē-*. Но на балто-славяно-германском ареале глагол состояния „лежать“ является результативным по отношению к глаголу действия „лечь“; в латинском же языке мы имеем иную семантическую модель: *iacēre* „бросать“ → *iacēre* „лежать“. Таким образом, 4-я изоглосса никак не может говорить об особой близости германских языков к италийским — сравнительно с балто-славянским.

5. Собираательные числительные от *duis, по мнению В. Порцига, образованы лишь в италийском и германском с помощью форманта *-*no-*: лат. *bīnī* „по два“ — др.-исл. *tveinnr* „вдвое“, др.-англ. (*ge*)*twinne* „близнецы“ (стр. 163). Однако, во-первых, между латинским и германскими примерами нет полного тождества. Затем, лит. *dvūnai*, лтш. *dvīni* „близнецы“ образованы с помощью того же форманта *-*no-*, а по своей семантике они ближе к германским примерам, чем германские к латинскому. Наконец, при рассмотрении данной изоглоссы следовало бы взять материал несколько шире, а не ограничиваться одним изолированным примером. Лит. *dvýlika* (как и *vienúolika*) имеет соответствие только в германском: гот. *twalif (ainlif)*; лит. *vėdu* „мы двое“ образовано так же, как гот. *wit*, др.-исл. *vit* „то же“; лит. *añtras* и гот. *anþar* „второй“ — наиболее полные (наряду с индо-иранским) соответствия, кото-

рым нет аналогии в других европейских языках. Я не говорю уже об известной балто-славяно-германской изоглоссе со значением „тысяча“.

Таким образом, числительное „два“ и его производные, как и числительные вообще, говорят о большей близости германского к балтийскому (и, отчасти, к славянскому), чем к латинскому языку.

7. Изоглосса лат. *collis* — др.-англ. *hyll* „холм“ распространяется за пределы германо-италийского ареала: лит. *kálnas* „гора“ имеет то же самое суффиксальное *-n-. Что же касается различных ступеней аблаута и расхождения в основах (стр. 163), то *kļ-nis и *kol-nos различаются между собой не более, чем, например, ст.-сл. ДЬНЬ и лит. *dienà*.

8. Лат. *clivus* „склон“ и гот. *hlaiw* „могила“ — производные с суффиксом *-u-. Но если бы В. Порциг взял образования с иными суффиксами, то вместо германо-италийской он должен бы был засвидетельствовать германо-балтийскую изоглоссу: др.-англ. *hlīð*, д.-в.-н. *hlīta* „склон“ — лит. *šlaitas* „склон“; гот. *hlaina* „холм“ — лит. *(at)šlainė* „Anberg, Berganhang“. Кстати, мнение В. Порцига о том, что у приведенных слов производные с суффиксальным *-n- „за пределами германского не встречаются“ (стр. 164), — ошибочно.

10. Название „лемеха“ (лат. *vomer*, д.-в.-н. *waganso*), во-первых, засвидетельствовано и в балтийском (др.-прусс. *wagnis*). Во-вторых, неверно, что ст.-слав. ЛЕМЕШЬ не имеет соответствий вне славянского (ср. лит. *lemežis*, лтш. *lemesis*).

11. Лат. *far* „полба“, гот. *barizeins* „ячменный“ имеют соответствия не только в виде белорусск. и русск. диалект. бор „просо“, но и ст.-слав. БРАШЬ-НО, русск. борошно „мука“. Перед нами — не итало-германская, а итало-германо-славянская изоглосса.

Таким образом, из 11 первых примеров — более половины ничего не говорят о преимущественных связях германского с италийским. Много спорного также и в других примерах, приведенных В. Порцигом. Поэтому утверждение автора: „Я надеюсь, что потери, вызванные уменьшением объема материала, возмещаются его надежностью“ (стр. 28), на мой взгляд, звучит слишком оптимистично.

Субъективное оперирование ограниченным числом выборочных изоглосс приводит к произволу в решении вопроса о степени родства, например, балтийских языков с германскими, славянскими и италийскими. Так, по подсчетам Т. Лер-Сплавинского балтийские языки значительно дальше от германских, чем славянские². Большинство других исследователей высказывает

² Т. Lehr.-Spławiński, *O pochodzeniu i praojczyźnie słowian*, Poznań, 1946, 42.

на этот счет прямо противоположное мнение³. Я. Сафаревич находит больше балто-латинских соответствий, нежели славяно-латинских⁴, О. Н. Трубачев — наоборот⁵. Все эти (и многие другие) расхождения объясняются, главным образом, одной причиной: отсутствием надежных объективных критериев отбора лексических изоглосс. Какие же здесь возможны пути „объективизации“ методов исследования?

Плодотворную (хотя, в общем, и не новую) идею осуществил О. Н. Трубачев в своей книге о славянской ремесленной терминологии. Ограничение анализируемого материала рамками отдельных семантических (или точнее: предметных) групп (в книге О. Н. Трубачева это — ремесленная лексика) позволяет решить целый ряд важных вопросов. Во-первых, это ограничение позволяет вместо случайных изолированных примеров из разных слоев лексики опираться на полный, почти исчерпывающий анализ лексического материала. Не изолированные, хотя и ставшие уже „хрестоматийными“, примеры из руководства по сравнительной грамматике, не выборки из словаря Ю. Покорного, а тщательный анализ отдельных языков и их диалектов может вскрыть ту массовость изоглосс, которая является важнейшим доказательством ближайшего родства между отдельными языками. Об этом еще в прошлом веке писали Э. Лотнер⁶ и К. Бругман⁷. Кроме того, в отдельных случаях ограничение лексического материала позволяет хотя бы приблизительно решить важный вопрос относительной хронологии. Так, например, известно, что индоевропейские языки не имеют единого названия металлов. Балто-славяно-германские изоглоссы названий золота и серебра и балто-славянские изоглоссы названий железа, олова и свинца — весьма показательны в этом отношении. Тем более, что они подкрепляются целым рядом изоглосс, связанных с примитивной металлургией и кузнечным делом: русск. *луть* (металл) — лит. *liėti*, ст.-слав. *oglb* — лит. *anglis*, ст.-слав. КЫИ — лит. *kūjis* „молот“ и др.

Еще А. Лескин подчеркнул важное значение эксклюзивных изоглосс в качестве критерия, свидетельствующего о наличии особо близкого

³ Ф. П. Филин, Образование языка восточных славян, Москва—Ленинград, 1962, 136.

⁴ J. Safarewicz, *Przedhistoryczne związki językowe italsko-słowiańskie*, — RSI XXIII 1 (1964) 20—25.

⁵ О. Н. Трубачев, Ремесленная терминология в славянских языках, Москва, 1966, 393 и др.

⁶ KZ VII 169.

⁷ *Internationale Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, I 226.

языкового родства⁸. В настоящее время это положение стало, пожалуй, общепризнанным. Однако нужно заметить, что не все эксклюзивные изоглоссы являются равноценными. В этом плане могут быть выделены три типа изоглосс:

а) когда за пределами данного ареала отсутствуют надежные соответствия даже с корнем сопоставляемых слов: белорусск. *мнец* — лит. *minikas* „мяльщик“⁹ (ст.-слав. МЯТИ — лит. *minti*); др.-русс. *ручь(ка)* — лтш. *ruocis* „рукоятка, ручка“ (к лит. *riñkti*, не имеющему надежных соответствий вне балто-славянского ареала);

б) когда вне ареала имеются производные того же корня, но нет данного слова: русск. *долото* — др.-прусс. *dalptan*, ст.-слав. ШЬВЬЦЬ — лит. *siuvikis* (Даукша) „портной“;

в) изоглоссы — эксклюзивные лишь в плане семантики: др.-русс. *подъ* — лит. *pādas* в значении „под печи“.

Очевидно, что при анализе лексического материала должна учитываться неравноценность этих трех типов изоглосс — неравноценность с точки зрения их „эксклюзивности“.

В настоящее время большинство исследователей связывают вопрос об эксклюзивных изоглоссах с вопросом о совместных инновациях двух языков, считая, что лишь общие новшества могут служить доказательством особо тесных связей между этими языками¹⁰. Применительно к балто-славянским языковым отношениям связь между эксклюзивными изоглоссами и общими новообразованиями наиболее резко была подчеркнута Э. Дикенманом. „Совпадения, — пишет он, — встречающиеся также и вне балто-славянской сферы, являются сохранением древнего общего наследия и, собственно, не имеют доказательной силы для идеи языковой общности. Напротив, совпадения, ограниченные только балто-славянской областью, можно понять лишь как новообразования периода общего развития“¹¹.

Здесь, прежде всего, неверно, что изоглоссы, выходящие за пределы балто-славянской области, непременно являются „сохранением древнего общего наследия“. Например, балто-славяно-германские изоглоссы мо-

⁸ А. Leskien, *Die Deklination im Slavisch-Litauischen und Germanischen*, Leipzig, 1876, VII. В. Порциг также пишет, что „количество соответствий должно быть достаточно велико“ (стр. 98). Однако это утверждение — весьма расплывчато, а число соответствий, на которые опирается В. Порциг, — явно недостаточно.

⁹ Пример приводится О. Н. Трубачевым в проспекте „Этимологического словаря славянских языков“, Москва, 1963, 62—63.

¹⁰ См., например, В. Порциг, *Ук. соч.*, 84, 86, 98 и др.

¹¹ ВЯ 1958 1 53.

гут в ряде случаев быть новообразованиями — причем, даже более поздними, чем некоторые из эксклюзивных балто-славянских изоглосс.

Кроме того, трудно согласиться, что только общие новообразования свидетельствуют об общем развитии: сохранение общих архаизмов — в противоположность всем остальным индоевропейским языкам — не менее важный признак общности развития. Наконец, мы не имеем надежных критериев, которые позволяли бы во всех случаях уверенно различать инновации и архаизмы. Этим обстоятельством в значительной степени определяются расхождения между исследователями при отборе лексических и иных изоглосс. Характерно, что на отсутствие общих новообразований ссылается, например, В. Шмид, выступая против идеи „древнеевропейского языка“ („*Alteuropäisch*“)¹² — идеи, в подтверждение которой другие авторы, в первую очередь, ссылаются именно на общие новшества.

Г. Зольта в рецензии на книгу В. Порцига писал о важной роли эксклюзивных изоглосс, независимо от того, являются они инновациями или нет¹³. Еще раньше против преувеличения роли совместных инноваций выступал П. Кречмер¹⁴. У нас эти идеи П. Кречмера и Г. Зольты поддерживает Э. А. Макаев¹⁵. Поскольку общие инновации типичны не только для близкородственных языков, но и для языковых союзов, а также в связи с трудностями разграничения общих инноваций и архаизмов, — будет целесообразным отказаться от опоры исключительно на общие инновации при отборе лексических изоглосс. Тем самым будет устранена значительная доля субъективизма в исследованиях, посвященных анализу изоглосс.

К сожалению, в работах нередко надежные изоглоссы одного ареала противопоставляются сомнительным или спорным изоглоссам другого¹⁶. Мне кажется, в процессе исследования необходимо четко разграничивать надеж-

---

¹² W. P. Schmid, *Alteuropäisch und Indogermanisch*, — Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Abhandlung der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, 1968 6 248 — 253.

¹³ *Deutsche Literaturzeitung* 78 (1957) 585.

¹⁴ P. Kretschmer, *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*, Göttingen, 1896, 98.

¹⁵ Э. А. Макаев, *Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики*, Москва — Ленинград, 1964, 56.

¹⁶ Так, например, О. Н. Трубачев неоднократно писал о необходимости противопоставления достоверных славяно-балтийских соответствий изоглоссам славяно-германским и славяно-латинским (О. Н. Трубачев, *Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянском и некоторых других индоевропейских диалектах*, — *Этимология*, Москва, 1963, 31, 33, 51). Однако последние в книге о славянской ремесленной терминологии далеко не всегда отвечают требованиям достоверности.

ные, вероятные и сомнительные изоглоссы, установить определенную градацию относительной ценности изоглосс. Надежность приводимых сопоставлений должна быть проверена в различных аспектах: фонетическом, словообразовательном, семантическом, хронологическом.

Фонетически точные изоглоссы необходимо отличать от изоглосс с разного рода отклонениями от нормы. Например, лит. *stógas* „крыша“ — др.-русс. *стогъ* или лат. *secō* — др.-русс. сѣкѣ имеют различное количество корневого гласного.

В словообразовательном плане изоглоссы можно разделить на типы: а) идентичные, нередко отражающие общность даже в процессе словоизменения: лит. *žietà* — *žietą*, русск. *зимá* — *зиму*, но греч. *χειμῶν χειμῶνα*; б) сопоставимые, отражающие, например, известные индоевропейские суффиксальные чередования: лит. *kár-v-ė* — греч. диалект. *κάρ-τ-η* „корова“, лит. *gél-d-a* — русск. диалект. *жоло-н-ѣ* „корыто“ и др.; в) словообразовательно несопоставимые, а лишь соотносимые в плане принадлежности к одному и тому же корню.

Особенно важно выделить случаи, когда на определенном ареале наблюдаются параллельные суффиксальные образования типа лит. *siuvikis* — *siuvėjas* и др.-русс. *швьць* — *швѣи* (ср. также лит. *siuvėja* — русск. *швея*). Это — не изолированная изоглосса, а несомненное доказательство общности формирования соответствующей ремесленной лексики. То же самое можно сказать о параллелизме образования таких слов балто-славянского ареала, как лит. *rankà* — русск. *рука*, лит. *rankóvė* — русск. *рукав*, лит. *apirankė*, лтш. *apriose* — др.-русс. *обручь* „браслет“, лтш. *ruocis* — др.-русс. *ручь-ка*).

О. Н. Трубачев считает, что наличие разных словообразовательных моделей у праслав. **mędlo* (русс. *мяло*) и лит. *mintūvas* „мялка“ не позволяет сблизить эти слова в качестве изоглоссы¹⁷, свидетельствующей об особой близости балтийских и славянских языков. Действительно, полным соответствием славянскому **mędlo* в литовском языке должно было бы быть образование с суффиксальным *-kl-*. Однако перед нами — одно из двух весьма распространенных синонимичных суффиксальных образований. В этом можно легко убедиться на примерах типа: лит. *taši-kl-is* = *tašy-tuv-as* „тесло“; др.-прусс. *piu-cl-an* (ср. лит. *piūklas* „пила“) = лит. *piáu-tuv-as*, лтш. *pļautuv-e* „серп“; лтш. *grebe-kl-is* = *grėb-tuv-e* „кривой нож для вырезания ложек“; *mīstī-kl-as* = *mīstī-tav-as* „мялка“; *kulstī-kl-is* = *kulstī-tav-a* „трепало“ и др.

¹⁷ О. Н. Трубачев, *Ремесленная терминология...*, 70.

Таким образом, за сближение праслав. **medlo* с лит. *mintùvas* говорит не только образование этих слов от общего глагольного корня, не имеющего надежных соответствий за пределами балто-славянского ареала, но и использование синонимичных суффиксов. Оснований для разделения праслав. **medlo* и лит. *mintùvas* здесь у нас не больше, чем, например, в случаях с русско-украинскими расхождениями типа *сеятель* — *сіяч*, *слушатель* — *слухач*, *проситель* — *прохач* и т. п. Наличие закономерных рядов подобного рода суффиксальных расхождений особенно часто встречается именно в близкородственных языках. Это обстоятельство позволяет, в частности, обратить особенно пристальное внимание на такие соответствия с чередующимися суффиксальными **-men-* и **-n-* (ср. ст.-слав. ТИ-МЕН-ИЕ и ТИ-Н-А), как лит. *stuo-miõ*, *stuo-meñ-s* и русск. *ста-н(ъ)* [а] „ткацкий станок“, б) „фигура“] или лит. *skie-men-ys* — русск. *чи-н-ы*, *цѣ-н-ы* (термины ткачества).

В семантическом отношении изоглоссы также неравноценны. Их можно разделить на следующие типы:

а) идентичные (лит. *tašiklis*, лтш. *teslis*, *teseklis* — русск. *тесла*, *тесло*; лит. *siuvikis* — ст.-слав. ШЬВЬЦЬ); б) сопоставимые (др.-исл. *auðr* „судьба“ сопоставимо с лит. *áusti* „ткать“, ибо для германского слова легко восстанавливается исходное значение „ткань“); в) несопоставимые (ст.-слав. *vrěmę* и др.-инд. *vártman* „колея“).

Особое внимание следует обратить на последний тип. Сюда можно отнести большое количество слов, образованных от одного и того же корня с помощью одних и тех же или аналогичных формантов. Однако расхождения в семантике здесь столь велики, что они явно свидетельствуют не об общности, а о полной независимости образования соответствующих слов. И если, например, лит. *šakà* „ветка“ и русск. *соха* вполне сопоставимы на базе известного семантического изменения, то ни ст.-слав. *vrěmę* никогда не имело значения „колея, выбоина“, ни др.-инд. *vártman* — значения „время“.

То же самое можно сказать о таких, например, соответствиях, как словен. *vratilo* „навой“ и лит. *vartiklis* „вертун“ (голубь), русск. *скобель* — др.-прусс. *scebelis* „волос(ы)“, ст.-слав. ЯСЛИ — лтш. *ēslis* „обжора“¹⁸, русск. *костёр*, *костра*, *костр(ика)* — лат. *castra* „лагерь“¹⁹. Во всех при-

¹⁸ Пример взят из книги: Вяч. Вс. Иванов, *Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы*, Москва, 1965, 161.

¹⁹ О. Н. Трубачев, *Ремесленная терминология...*, 79—80, 83—85 и др.; А. С. Мельничук, *Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков*, — *Этимология* 1966, Москва, 1968, 233.

веденных случаях перед нами — бесспорные или почти бесспорные этимологические сопоставления. Все славянские примеры связаны с ремесленной лексикой. Но ни в одном из этих случаев не может быть и речи о лексических, а тем более — терминологических изоглоссах. Когда О. Н. Трубачев сопоставляет русск. *костра(ика)* и лат. *castra* „лагерь“, он, вслед за А. Эрну и А. Мейе, этимологизирует латинское слово как „выкопанное (и насыпанное)“, т. е. „ров и вал“²⁰. Однако здесь естественно напрашивается сопоставление с лит. *kàsti* „копать, рыть“, *kasyklà* „шахта“, *kasiklis* „заступ, лопата“ и др., а не со слав. (русск.) *чесать*, *косить* (и тем более — не со словами *костра* и *кострика*). Иначе говоря, в данном случае мы имеем дело скорее с балто-латинской, чем со славяно-латинской изоглоссой.

Следовательно, сопоставления типа русск. *костра*, *кострика* — лат. *castra* „лагерь“, ст.-слав. ГРЪНЬЧАРЬ — лат. *fornicarius* „распутник“, на которых в значительной степени базируется аргументация О. Н. Трубачева, не убеждают в правомерности его основного вывода о значительно большей близости славянского к германскому и итальянскому сравнительно с балтийским.

В хронологическом плане изоглоссы могут собой представлять: а) общее индоевропейское наследие; б) общие новообразования, включающие также общие заимствования из третьего источника (например, общее балто-славяно-германское заимствование названия серебра); в) параллельные независимые новообразования.

Эти три типа изоглосс не всегда можно легко разграничить. В частности, еще Й. Шмидт писал о невозможности разграничения древнейших доисторических заимствований и исконнородственных слов²¹. Особенно трудно выделить даже сравнительно поздние заимствования на балто-славянском ареале, где фонетический „облик“ заимствованного слова во многих случаях совпадает с исконнородственными словами.

Иногда при исследовании степеней родства между языками все заимствования — как действительные, так и предполагаемые — сразу же отбрасываются. Между тем, массовые — часто относящиеся к разным хронологическим эпохам — заимствования из одного языка в другой свидетельствуют о длительных контактах между этими языками. Самый факт массовых заимствований ни в коем случае не говорит о том, что данные языки далеки друг

²⁰ Ср. A. Ernout et A. Meillet, *Dictionnaire étymologique de la langue latine*, I³, Paris, 1951, 185.

²¹ J. Schmidt, *Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen*, Weimar, 1872, 34.

от друга генетически. Поэтому при наличии иных доказательств близкого родства между двумя языками обилие взаимных лексических заимствований лишь подкрепляет факт совместного развития этих языков.

Наконец, к числу сопоставлений, которые не могут рассматриваться как лексические изоглоссы, следует отнести случаи независимых, сравнительно поздних новообразований. Так, например, сопоставление укр. **прохач** „проситель“ и лат. *prosaх, procācis* „назойливый“ совсем не говорит о большей близости украинского языка к латинскому — сравнительно с русским. Ст.-слав. **ГРЪНЬЧАРЬ** и лат. *fornicarius* несопоставимы между собой как терминологические изоглоссы не только из-за трудностей, связанных с возведением этих слов к единому корню, не только по семантическим соображениям, но также из-за несомненно позднего происхождения обоих слов — как в старославянском, так и в латинском языке. Поздний характер латинского слова подтверждается историческими фактами и памятниками письменности. В славянских языках суффикс — **АРЬ**, как известно, появляется еще позднее, первоначально — в заимствованных словах, главным образом, германского происхождения (**МЫТАРЬ** и др.).

Таким образом, при диалектном членении древнейшей индоевропейской языковой общности нельзя строить серьезные выводы на простых количественных подсчетах разных по своему характеру лексических изоглосс. Следует учитывать их градацию, — начиная от эксклюзивных, полных в фонетическом, словообразовательном и семантическом отношении изоглосс, исключающих возможность позднего параллельного и независимого развития, — и кончая „корневыми“ сопоставлениями, которые свидетельствуют о восхождении сопоставляемых слов к единому индоевропейскому корню, но не являются собственно изоглоссами. Особенно важное значение имеют терминологические изоглоссы, вычленение которых требует предельно строгого отбора.